

из новых знакомых – инженера Фрадкина. Отчет об этом содержит детальную информацию о материально-бытовых условиях советских людей, о беседах с ними на разные темы.

В 1980-е годы ситуация в англо-советском взаимодействии улучшилась. Фактор добрых отношений лидеров двух стран – М. Тэтчер и М. Горбачева, полагает Н.К. Капитонова (“Персональный фактор советско-британских отношений в 80-е годы XX века”), влиял на советско-британское взаимодействие. В целом, заключает Ал.А. Громыко («Образы России и Великобритании после окончания “холодной войны”»), в последний период в двусторонних контактах сложился поразительный феномен – быстрое развитие экономических связей на фоне периодического ухудшения политических отношений.

Последний блок статей под общим названием “Проблемы англоведения” включает два исследования по истории викингов Дж. Нельсона “Викинги в Европе” и Е.А. Мельниковой (“Скандинавы в Англии и Восточной Европе: формы интеграции”), две статьи по истории нормандского завоевания Англии М.М. Горелова (“Датское и нормандское завоевание Англии: сравнительный анализ”) и Д. Бэйтс (“Вильям Завоеватель и непонятный мир Западной Европы”), а также исследование М.Г. Муравьевой (“Олигархия или аристократия: английская политическая элита в первой половине XVIII века”) о сущности английской политической элиты в первой половине XVIII в.

Три последующих статьи объединяет тема колониализма и его последствий. А.В. Воеводский (“Колониальная политика Великобритании и трансформация африканских обществ Капа и Натала в XIX веке”) акцентировал внимание на колониальной политике Великобритании в Южной Африке в XIX в. В статье Г.С. Остапенко (“Проблема “цветной” иммиграции в

Великобритании во второй половине XX – начале XXI века”) освещаются иммиграционные потоки, прорывающиеся в Великобританию с середины XX в. и обусловленные стремлением британских властей сохранить имперские связи. Однако быстро растущие религиозно-этнические общины, зачастую, не готовы к восприятию ценностей европейской цивилизации, что создает сложности для населения и правительства страны. А.В. Сухоруков (“Содружество наций: взгляд из Москвы”) полагает, что изучение британского опыта в области организации постимперского пространства с помощью Содружества наций может быть не только интересным, но и полезным для России. Автор стремится совместить две точки зрения на Содружество: скептическую и оптимистическую. Читатель вправе судить насколько убедительна аргументация исследователя.

Английская история, как известно, одна из самых изученных в мире. Но если подходить к анализу источников без предвзятости, иметь возможность ознакомиться с архивами наших стран, тогда можно и ее дополнить новым знанием. Российским и британским историкам удалось достичь взаимопонимания практически по всем рассматривавшимся проблемам, что уже немало в свете современных порой крайне противоречивых подходов в толковании одних и тех же фактов. В целом сборник в полной мере отражает высокий уровень развития исследований в России по истории Великобритании. Стремясь проследить пути, приводящие к двустороннему сближению, авторы сборника выявили реальные механизмы достижения взаимопонимания.

И.Ю. Новиченко,
кандидат исторических наук,
старший научный сотрудник
Института всеобщей истории РАН

Е.Ю. Сергеев. ВОЕННАЯ РАЗВЕДКА РОССИИ В БОРЬБЕ ПРОТИВ ЯПОНИИ. 1904–1905 гг. М.: Товарищество научных изданий КМК, 2010, 219 с.

Монография заведующего Центром “XX век: социально-политические и экономические проблемы” ИВИ РАН профессора РГГУ д.и.н. Е.Ю. Сергеева посвящена интересной и мало изученной теме – истории военной разведки России во время Русско-японской войны 1904–1905 гг.

Русско-японская война открыла череду кровавых и жестоких войн, которые довелось вести нашему народу в XX в.; изучение ее истории будет и в дальнейшем находиться в центре внимания как специалистов, так и широкой науч-

ной общественности. События 1904–1905 гг. на Дальнем Востоке, отмечает автор, “вошли в историю как одно из первых крупномасштабных столкновений первоклассной континентальной военной державы, которой выглядела Россия в глазах общественности большинства стран, и небольшого, быстро прогрессирующего островного государства, претендовавшего на лидирующую роль в Восточной Азии” (с. 5).

Начавшееся в конце XIX в. активное вовлечение России в дальневосточные дела и

оккупация Северо-Восточного Китая в ходе подавления восстания ихэтуаней (боксеров) 1899–1901 гг. привели к обострению отношений России со Страной восходящего солнца и поставили перед русской военной разведкой новые задачи. Их выполнение осложнялось тем, что, несмотря на стремительную модернизацию, которую переживала Япония после революции Мейдзи 1867–1868 гг., в глазах российской политической и военной элиты эта страна продолжала оставаться “полуварварской”. Накануне событий 1904 г. ни в одном из высших учебных заведений России не преподавался ни японский язык, ни японская история и культура, а количество японоведов во всей России можно было сосчитать на пальцах одной руки.

Военная разведка России, действуя в необычных для нее условиях войны против незнакомого противника на азиатско-тихоокеанском театре военных действий, смогла приспособиться к новым обстоятельствам и выполнить возложенные на нее функции.

Актуальность решенной автором исследовательской задачи обусловлена практическим отсутствием в мировой историографии комплексного анализа подготовки разведывательных органов Российской империи к войне, истории их организации и эволюции на протяжении маньчжурской кампании. Не анализировалось историками и влияние, которое оказала Русско-японская война на характер и особенности дальнейшего развития российских спецслужб в ходе подготовки к грядущему первому глобальному военному противоборству.

Эти соображения подчеркивают научную новизну исследования Е.Ю. Сергеева, который поставил своей целью “попытку заполнения указанного пробела на основе расширения источниковой базы через привлечение значительного пласта ранее неизвестных архивных материалов или нового прочтения хотя и опубликованных, но мало используемых специалистами документов” (с. 11).

Заслугой Е.Ю. Сергеева является широкое использование ранее неизвестных оригинальных источников из фондов российских архивов – Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА) и Российского государственного архива Военно-Морского флота (РГА ВМФ). Ученый тщательно исследовал и проанализировал опубликованные источники по изучаемой теме: это не только официальные отчеты, сообщения и служебная переписка, но и дневники, записные книжки, мемуары и переписка участников событий.

Автор проанализировал не только отечественные исследования, но и монографии, вы-

шедшие из-под пера американских, английских и германских коллег.

Книга снабжена добротным справочным материалом, приложениями и иллюстрациями, что, к глубокому сожалению, в последнее время не так часто случается в российской историографии.

Она написана хорошим литературным языком. Это особенно важно, если иметь в виду, что издание предназначено не только для профессиональных историков, но и для читателей, интересующихся историей возникновения и развития специальных служб нашей страны.

Структура монографии Е.Ю. Сергеева хорошо продумана и полностью соответствует поставленной задаче: работа состоит из 4 глав, где автор в хронологической последовательности рассказывает об истории русской военной разведки на Дальнем Востоке накануне Русско-японской войны, в ее начальный период и в период позиционной войны. В заключительной главе подводятся итоги войны 1904–1905 гг. и дается анализ ее уроков для становления военной разведки России.

В главе, посвященной действиям русской разведки на Дальнем Востоке накануне Русско-японской войны, обращают на себя внимание аргументы автора, когда он убедительно, на основании документальных источников разоблачает один из расхожих в отечественной и зарубежной историографии мифов “об отсутствии у русского командования каких-либо планов ведения войны против Японии” (с. 35). Е.Ю. Сергеев дает объективную оценку действиям разведки в те годы, подчеркивая «парадоксальность ситуации, когда с одной стороны, военная разведка России предоставляла командованию аналитические записки, проникнутые серьезной озабоченностью масштабом военных приготовлений Японии, а с другой, – среди офицеров продолжало доминировать представление о Японии как “стране желтых карликов” и “нецивилизованных макак”» (с. 45).

Автор объективно оценивает действия высшего военно-политического руководства России, в частности императора Николая II, накануне событий 1904–1905 гг. Царь, опасаясь что Англия обвинит Россию в агрессии против Японии, не только хотел оставить инициативу в открытии военных действий за Страной восходящего солнца, но и до последней минуты отказывался утвердить стратегический план ведения войны на Дальнем Востоке (с. 39). В результате губительных сомнений и долгих колебаний самодержца у российской армии и флота не осталось времени на тщательную подготовку к столкновению с хорошо обученным и вооруженным противником.

Е.Ю. Сергеев, оценивая роль военной разведки в ходе подготовки к войне, признает “определенную долю ответственности, которую она несет за целый ряд противоречивых оценок и искаженных представлений о противнике, доминировавших в сознании, как армейских кругов, так и широкой общественности России” (с. 46).

Вместе с тем, автор убедительно показывает как, несмотря на преимущества, которыми по ряду причин обладали военные разведчики Японии, их российским оппонентам “все же удалось постепенно создать необходимые структуры и наладить взаимодействие между ними на стратегическом, тактическом и оперативном уровнях” (с. 54). По мнению Е.Ю. Сергеева, эффективность работы российских армейских разведчиков все время возрастала, заставляя японское командование уделять все большее и большее внимания операциям по нейтрализации деятельности российских спецслужб.

Большое место в работе автор уделяет особенностям стратегического и тактического уровней разведки, а также оперативной разведке штабов соединений и отдельных отрядов. Здесь Е.Ю. Сергеев отмечает многочисленные трудности как объективного, так и субъективного характера, с которыми пришлось столкнуться на начальном этапе войны российской разведке: это и отсутствие опыта выслеживания противника в условиях непривычного для россиян природно-климатического ландшафта Маньчжурии, и недоверчивое, если не сказать враждебное, отношение местного населения (с. 72). Негативно сказывался и языковой барьер.

Особое внимание автора привлекла организация разведывательного дела защитниками Порт-Артура. Историк пришел, на первый взгляд, к парадоксальному выводу о том, что, хотя падение этого форпоста России на Дальнем Востоке и ухудшило стратегическое положение России, но, с другой стороны, способствовало усилению активности разведки всех уровней. После сдачи Порт-Артура создалась непосредственная угроза другим, менее защищенным опорным пунктам Российской империи на Тихом океане: Владивостоку, Петропавловску, Корсакову. Оценка степени этой угрозы стала теперь одной из основных задач и требовала немалых усилий разведки (с. 86).

Падение Порт-Артура поставило новые задачи и перед российской стратегической разведкой, причем не только на Дальнем Востоке, но и в Европе. Необходимо было дать четкий ответ на вопрос: как долго может рассчитывать Япония на продолжение войны, насколько устойчиво ее экономическое положение, до каких

пор Япония способна полагаться на безусловную поддержку своих официальных и неофициальных союзников – Великобритании и США, какова возможность вмешательства в конфликт Франции и Германии. Что касается военноморской сферы, то, как отмечает Е.Ю. Сергеев, “разведка была призвана обеспечить безопасность эскадры адмирала З.П. Рожественского на маршруте плавания через три океана протяженностью около 18 тыс. миль” (с. 92).

Однако сюжеты, связанные с деятельностью военноморской разведки, координацией работы российских разведчиков-моряков и их сухопутных коллег, на наш взгляд, не являются самыми сильными в монографии. Читателю, думается, хотелось бы узнать о печальных событиях, связанных с войной на Тихом океане, о провалах и успехах русской военноморской разведки в ходе обороны Порт-Артура или Цусимского сражения.

Утверждение Е.Ю. Сергеева о том, что “опыт, приобретенный военной разведкой России на стратегическом уровне, ... позволил предотвратить захват японцами Владивостока и Петропавловска” (с. 103) кажется нам несколько преувеличенным. Дело здесь обстояло намного сложнее: автору следовало бы принять во внимание комплекс стратегических и тактических проблем, стоявших в 1905 г. как перед японским, так и русским командованием.

Тем не менее, общая оценка автора действий российских спецслужб в 1904–1905 гг. представляется взвешенной и обоснованной: “За сравнительно короткий срок, измерявшийся немногими месяцами и даже неделями, русская военная разведка сумела значительно улучшить как методику сбора данных о противнике из различных источников, так и технику ее всестороннего анализа вместе с построением комплексной работы на театре войны. К сожалению, результаты проделанной колоссальной работы стали очевидными для царских генералов только тогда, когда шансов выиграть дальневосточную кампанию у России практически не осталось” (с. 145).

Свое исследование историк не ограничивает только периодом Русско-японской войны. В заключительной главе он рассказывает о важной роли, которую русская разведка сыграла в период мирных переговоров в Портсмуте, о воздействии маньчжурской кампании на реорганизацию деятельности спецслужб Российской империи, об особенностях трансформации военной разведки после 1905 г.

Интересные архивные документы, использованные в монографии, позволяют придти к выводу о том, что Русско-японская война стала главным стимулом для завершения процесса формирования военно-разведывательной

службы как самостоятельной структуры в составе вооруженных сил России. Можно полностью согласиться с утверждением автора, что “без трагических событий начала XX в. на ее (России – В.Ш.) дальневосточных рубежах процесс осознания властной элитой значимости функционирования военной разведки в качестве базового компонента обеспечения безопасности государства в эпоху широко-масштабных войн индустриального типа затянулся бы на гораздо более длительный период” (с. 165). Не подлежит сомнению также тот факт, что огромный опыт, приобретенный

русскими офицерами на далеких сопках Маньчжурии, подготовил условия для превращения российской военной разведки в одну из наиболее дееспособных специальных служб мира начала XX в.

Книга Е.Ю. Сергеева будет полезна не только для профессиональных историков, но и для широкого круга читателей, которых интересует история нашей Родины.

В.К. Шаццло

доктор исторических наук, профессор,
ведущий научный сотрудник ИВИ РАН

В.Н. Малов. ПАРЛАМЕНТСКАЯ ФРОНДА: ФРАНЦИЯ, 1643–1653. М.: “Наука”, 2009, 497 с.

Фронда середины XVII в. была одним из острейших социально-политических кризисов в истории Франции. На протяжении пяти лет (1648–1653) страна была охвачена беспорядками. Высшая судебная палата – Парижский парламент – выступила с резкой критикой политики первого министра кардинала Мазарини. За попыткой подавить оппозицию, арестовав парламентских вожаков, последовали восстание в городе, бегство королевы-матери с малолетним Людовиком XIV и Мазарини, длившаяся почти три месяца осада Парижа, а затем вооруженный мятеж против Мазарини, руководимый высшими аристократами и принцами крови.

Французскими и американскими историками о Фронде написаны многие тома. Ей давалась самая разная интерпретация: от либерально-конституционного движения до феодално-аристократической реакции, от народного движения до революции элиты, от неудачного прообраза революции 1789 г. до элемента общеевропейского кризиса середины XVII в. (наряду с Английской и Неаполитанской революциями, поражением оранжистов в Голландии, восстаниями в Португалии и Каталонии)¹. Между тем, наш читатель знает о Фронде главным образом из романа А. Дюма-отца “Двадцать лет спустя” и из вышедших полвека тому назад работ Б.Ф. Поршнева². Отсутствие посвященного ей фундаментального исследования оставалось зияющим пробелом в отечественной историографии, и вполне логично, что наш крупнейший специалист по ис-

тории Франции XVII в., доктор исторических наук В.Н. Малов, давно уже опубликовавший раздел о Фронде в “Истории Европы”³, взялся за углубленное изучение этого поворотного момента французской истории.

В самом названии книги внимание подготовленного читателя привлечет кажущееся отступление от привычной терминологии и хронологии, в соответствии с которыми события 1648–1649 гг. принято именовать “парламентской Фрондой”, а 1650–1653 гг. – “Фрондой принцев”. Автор же распространяет понятие “парламентская Фронда” на целое десятилетие, охватывавшее как саму Фронду, так и предшествующие ей события, и это вполне обоснованно, так как в книге рассматриваются оппозиционные выступления парламентов (высших судебных палат Франции), главным образом Парижского, на протяжении всех 10 лет.

Книга написана на основе разнообразных источников: издававшегося во время Фронды “Журнала парламента”, постановлений Королевского совета, дневников, мемуаров, исторических сочинений, политических трактатов и памфлетов современников, дипломатических документов. Автором были использованы также материалы из Национального архива и Архива министерства иностранных дел Франции, из рукописных отделов Национальной библиотеки Франции, библиотеки Сорбонны, Российской национальной и Российской государственной библиотек (неопубликованные документы Королевского совета, постановления парижских верховных судебных палат, парламентские документы и письма из провинции, донесения венецианских послов, записки очевидцев, памфлеты, письма Мазарини и других участников событий, документы о переговорах фрондеров с испанцами).

¹ См. The General Crisis of the Seventeenth Century. Ed. by G. Parker, L.M. Smith. London – New York, 1997.

² Поршнев Б.Ф. Народные восстания во Франции перед Фрондой (1623–1648). М. – Л., 1948; его же. Франция, Английская революция и европейская политика в середине XVII в. М., 1970.

³ История Европы, т. 4, ч. 1, гл. 2. М., 1994, с. 42–54.